

В сущности абсурдной выглядела бы в этом «мире знаков» идея самой объективной реальности.

В чрезвычайно емкой и замечательно глубокой работе (посмертной публикации конспекта неосуществленной работы) М. Бахтина имеется высказывание в связи с критикой формальных направлений в лингвистике, уместное в контексте нашего рассмотрения: «Несколько упрощая дело, чисто лингвистические отношения (то есть предмет лингвистики) — это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста (то есть системные или линейные отношения между знаками). Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики»²⁴.

В сущности представленное нами выше изложение гипотезы о работе второсигнальной системы «своими» средствами и «внутри себя» вполне согласуется с упрощенными заменами реальных и «значимых» знаков «отношениями между знаками», о которых пишет М. Бахтин. Но на самом деле процесс высказывания есть «движение от мысли к слову», процесс понимания высказывания — «от слова к мысли», как понимают эти процессы Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев и вся школа советской психолингвистики, а также значительная часть зарубежных психолингвистов, а мыслительный акт (если он не включает специальных внутренних вербализаций типа внутреннего монолога, или воображаемого диалога, или воспоминание текста) вообще может, как показывалось выше, не быть связанным с функционированием нейроэквивалента речедвижений. «Мы считаем, — пишет Т. В. Ахутина, — что этап внутренней речи непосредственно отвечает лишь за смысловую организацию высказывания. Это отличает нашу точку зрения от точки зрения А. Р. Лурия и Л. С. Цветковой, которые связывают с внутренней речью и грамматическую организацию высказывания»²⁵.

Не касаясь здесь расхождений между указанными точками зрения, отметим, что и А. Р. Лурия и Л. С. Цветкова считают, что внутренняя речь характеризуется фазовостью, при которой этап семантического построения (этап замысла) отделен от дальнейших (на пути к высказыванию) этапов вербализации, включая выбор слов, выбор и развертывание синтаксической схемы. Анализируя устаревшие представления об афазии, связанные с «концепцией об идентичности языка и мышления», М. Критчли пишет, что «афазия — специфическое нарушение словесного мышления, а не расстройство о б р а з о в»²⁶, нарушение механизма, названного им «превербитум», т. е. способность облекать мысленное содержание в словесную форму (моторная афазия) или декодировать поверхностную структуру в «код образов» (сензорная афазия).

Это еще раз подтверждает реальность УПК Н. И. Жинкина. В УПК образуются нейрофизиологические связи между подкорковыми первосигнальными образованиями, с одной стороны, и корковыми, второсигнальными, — с другой, образуя особый уровень, на котором обобщение восприятий и представлений уже подготовлено к номинации посредством знака языка, но существует до него и — отчасти — не зависимо от него. Если ребенок в состоянии сгруппировать картинки или игрушки по ведущим функциональным признакам вещей или их изображений так, что предметы одежды будут находиться в одной группе, а растения — в другой, причем ребенок владеет лишь обозначениями видовых понятий («чашка», «кастрюля», «листик», «дерево», «цветок» и т. д.), не владея сло-

²⁴ Бахтин М. Проблема текста. Опыт философского анализа. — «Вопросы литературы», 1976, № 10, с. 146.

²⁵ Ахутина Т. В. Нейро-лингвистический анализ динамической афазии. Изд. МГУ, 1975, с. 123.

²⁶ Критчли М. Афазиология. М., «Медицина», 1974, с. 129—134.